

Русский художник на фоне стресса

Беседа с Василием Аксеновым и Аркадием Кордоном

Режиссер Аркадий Кордон («Великий самоед», «Приговоренный», «Послушай, не идет ли дождь...»), с недавних пор живущий в Нью-Йорке, готовится экранизировать роман Василия Аксенова «Новый сладостный стиль». С г-ном Кордоном мы встретились в Манхэттене, а вот Аксенова пришлось вызывать во Францию. Недавно писатель признался, что собирается покинуть Вашингтон, где живет уже лет двадцать и преподает в университете Джорджа Мейсона, и перебраться в курортный Биарриц.

Олег Сулькин: Давайте с Биаррица и начнем, Василий Павлович. Как судьба занесла вас в это райское местечко?

Василий Аксенов: Несколько лет назад, случайно. Пригласили в Тулузу на франко-русский фестиваль «Волга – Гаронна». Гаронна – это местная река. После фестиваля у меня образовалось три свободных дня. Взял машину и поехал к морю. И вместо того, чтобы отправиться в Ниццу, как все, я зарулил немного в сторону, в Биарриц, известный мне по литературе. Приехал. Очень понравилось. И когда стал обсуждать сам с собой вопрос о выходе в отставку, я подумал...

О.С.: В каком смысле – в отставку?

В.А.: На пенсию...

О.С.: А может быть у писателя пенсия?

В.А.: Ну, конечно, это условное понятие, перемена образа жизни. И я решил, что Биарриц – самое подходящее место.

О.С.: Будем надеяться, Биарриц станет вашим Болдино. Несмотря на пенсионные настроения, вам предстоит свернуть кинематографические горы: насколько я знаю, осуществляется экранизация «Московской саги», и режиссер Кордон подступается к «Новому сладостному стилю».

В.А.: Именно Аркадий предложил эту идею. Я очень доволен. Что касается «Московской саги», то она уже в процессе съемок.

О.С.: Ваш роман с кинематографом, Василий Павлович, имеет довольно-таки долгую протяженность. Напомните, пожалуйста, как все начиналось.

В.А.: После моего писательского дебюта мною заинтересовались киношники, и я вошел в этот мир. Сняли и «Звездный билет», и «Коллег», потом я написал несколько оригинальных сценариев. В общей сложности, 6 фильмов сделаны с моим прямым участием. На «Ленфильме» сняли фильм «Когда разводят мосты», потом на студии Горького – спортивную комедию «Центровой из поднебесья» о баскетболистах и детский, довольно симпатичный, «Мраморный дом». И последний мой фильм в Советском Союзе назывался «Пока безумствует мечта» – сценарий о первых русских авиаторах.

О.С.: Кино было для вас побочным промыслом?

В.А.: Главным источником существования. Кроме того, что сделано, я еще написал кучу неосуществленных сценариев. Но они давали какие-то деньги, которые я не мог заработать книгами. И более того, я увлекся киношной средой, атмосферой. Это – самая живая часть творческой интеллигенции. Писательский союз был тухлым идеологическим местом, а когда я приезжал на киностудию «Мосфильм», с удовольствием шлялся там в бесконечных коридорах, наткался на друзей.

Аркадий Кордон: И я, тогда еще молодой режиссер, приходил на студию и попадал в богемную среду. Можно было просто лечь на диван, болтать, курить. Мы полужаляли как древние греки. Замечательное время! Многие зарабатывали в кино, не только писатели. Я вот работал с Альфредом Шнитке, выдающимся композитором, у меня был фильм «Приключения Травки», Альфред тогда мог зарабатывать только тем, что писал музыку в кино. Потому что его не исполняли.

В.А.: Ходила шутка: кино тоже искусство – оно кормит.

А.К.: Оно не только кормило, но и рождало ощущение, что ты не один, что вокруг друзья.

В.А.: Это было братство.

А.К.: Да, братство. Все друг друга старались выручить. «Ну давай, напиши, старик, заявку, мы тебе денег дадим».

В.А.: Да много таких случаев было. Дадут аванс, напишешь сценарий, говорят, нужны поправки, потом еще и еще. «Мы твой сценарий выбрасываем из плана, старик. Ты же понимаешь обстановку?». «Да, понимаю».

А.К.: А вам никогда не присылали писем, Василий Павлович, такого, например, содержания: «Уважаемый такой-то, с сожалением сообщаем, что вас постигла творческая неудача. Сценарий закрываем, но аванс остается за вами».

О.С.: Возникает желание пересмотреть свои старые фильмы?

В.А.: Нет. К сожалению, художественных достижений в кино у меня не было.

А.К.: Предстоит сделать это сейчас.

В.А.: Может быть. Помню, Андрей Тарковский, когда сбежал, приехал в Вашингтон и остановился у нас. Вдруг он мне говорит: «Ты знаешь, я жутко хочу снять «Остров Крым». Я подпрыгнул до потолка. Андрей будет снимать «Остров Крым»? Но потом он сказал: «К сожалению, у меня сейчас настроение что-то очень тихое. А вот когда оно пройдет, тогда я возьмусь». Но до этого не дожил.

О.С.: Расскажите о новом проекте...

А.К.: Министерство культуры России с интересом отнеслось к нашему предложению. Уже подписаны договоры. Нам предстоит написать сценарий и перевести на правильный английский язык. Я имею в виду голливудский язык, на котором там привыкли читать сценарии. Будет международная складчина.

О.С.: Василий Павлович, с трудом представляю, как можно вашу книгу перенести на экран – по причине ее эпичности. В ней высокая плотность материи, она набита деталями.

В.А.: Придется многим пожертвовать, но найти кинематографический эквивалент.

О.С.: Что выбрасываете за борт?

В.А.: Еще рано говорить. Роман пишется по законам прозы, а кино надо снимать по законам кино. Это естественно. Но где-то должно присутствовать и метафизическое ощущение, которое дает роман.

А.К.: Должна звенеть главная струна романа.

В.А.: Струну еще надо найти. В кино ее будет искать Аркадий до самого конца съемок. Это будет киноимпровизация на темы романа. Мы на большом расстоянии друг от друга пишем сценарий.

А.К.: Вообще-то я работал и раньше с большими писателями – и с Казаковым, и с Нагибиным. Вы помните мою картину о Юрии Казакове?

В.А.: «Послушай, не идет ли дождь...» – выдающаяся картина Аркадия, по которой я узнал его как режиссера. Я просто обалдел от того, как Петренко создал почти ошарашивающий образ Юрия Казакова, вплоть до портретного сходства. Что-то невероятное... Будто Казаков ожил... Сложность работы над сценарием для меня в том, что в течение 80-х я был совершенно оторван от художественной жизни.

А.К.: Вы нас всех взбаламутили и покинули страну. А нам пришлось жить в брежневские времена и пытаться что-то сделать... Василий Павлович – необыкновенный кинематографический писатель. Главное – найти образ для этой литературы на экране. Если начинаешь дословно следовать роману, ничем хорошим это не закончится. Роман дает эмоциональный, интуитивный толчок, а потом вступает в силу рациональное осмысление.

О.С.: Роман «Новый сладостный стиль» сложен, полифоничен. Это постмодернистская вещь. Сделать качественный постмодернистский фильм редко удается.

В.А.: К полифонии и постмодернизму я бы хотел добавить третью важную характеристику – карнавал.

А.К.: И поэзию как часть карнавала.

В.А.: Да-да, шутство, маски, поэзия, срывание масок и их надевание, чечетка, рок-н-ролл.

О.С.: «Весь этот джаз»? Феллини? Вихрь воспоминаний творца? Интересно, вам это близко по ощущениям?

В.А.: Феллини очень близок.

А.К.: Мы должны найти себя в кинематографе. У Василия Павловича гениальный финал, когда все персонажи собираются вместе в Израиле. Это как у Феллини в фильме «Восемь с половиной» – парад персонажей. И плохие, и хорошие – все.

О.С.: Такой провект, судя по всему, требует значительных средств. Как складывается бюджет?

А.К.: Когда я обратился к Василию Павловичу с предложением экранизации и он меня благословил, мы стали думать: где деньги, Зин? (общий смех). Министр культуры Михаил Швыдкой очень хорошо отнесся к нашей просьбе. Мы уже получили первые деньги.